

A woman with long, wavy red hair and large, translucent orange wings with dark spots. She is wearing a blue and gold dress with a red cape. She is smiling and looking to the right. The background is a dark, gothic-style interior with large windows and columns. There are several butterflies flying around her.

Маргарита Преображенская

Фея при дворе -
к рискованной игре

Маргарита Преображенская

**Фея при дворе – к
рискованной игре**

«Автор»

2024

Преображенская М.

Фея при дворе – к рискованной игре / М. Преображенская —
«Автор», 2024

Встреча с женщиной может сулить мужчине всякие неожиданности. В сонниках пишут, что это к сплетням, в любовных романах и в инструкциях по технике безопасности на производстве утверждают, что к браку. Но всё это касается самых обычных мужчин и женщин. А вот интересно, к чему приведёт встреча потомственной феи Облачного Предела и настоящего французского короля, чей двор погряз в интригах и борьбе за власть? Как говорится, «будем посмотреть». В этой книге вы найдёте:– юмористические приключения смелой и шустрой попаданки, которая по совместительству ещё и потомственная фея;– роковые тайны фейского общества и французского двора времён Карла VII;– борьбу за власть и сердце женщины;– любовь, имеющую самые неожиданные последствия.

© Преображенская М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ГЛАВА I. Фейское пари	5
ГЛАВА II. Фейская политика	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маргарита Преображенская

Фея при дворе – к рискованной игре

ГЛАВА I. Фейское пари

*Спор носит интеллектуальный характер, если предметом спора
нельзя ударить по голове.*

Виктория Угрюмова

Утро выдалось судьбоносное! Это я поняла сразу же, выглянув из окна Общежития при Инсти-таме Потомственных Фей. Давно уже озвучивалось предсказание о том, что подобное учебное заведение со схожим названием «Инсти-тут» когда-нибудь создадут и люди, просто надо было подождать ещё лет двести-триста (не слишком большой срок для фей).

Наш Инсти-там располагался на первой Поднебесной улице №13 Облачного Предела (такое романтическое название носил учи-городок, созданный из уплотнённых облачных структур специально для подготовки к нелёгкой жизни самых даровитых и родовитых особ женского пола, принадлежащих к расе волшебниц). Люди, иногда видевшие изящные шпили и башенки Облачного Предела в небесах, принимали их за мираж.

– Кто вчера опять вмешался в график метеорных потоков, а?! – строго вопрошала дежурная матрия Инсти-тама, придирчиво осматривая небо. – Безобразие!

Матрии следили за порядком и соблюдением правил, которые всё равно, несмотря на строжайшие запреты, периодически нарушались юными феями. А как же иначе?! Не умирать же от скуки? Чтобы добиться прилежного поведения, фей высокого происхождения воспитывали отдельно от сильфов – мужского населения Облачного Предела. Возможно, именно по этой причине из некоторых милых созданий с кудряшками и лентами, впервые переступавших порог Инсти-тама, к последнему циклу обучения вырастали шустрые сорванцы в юбках, с которыми буквально не было сладу. Я, конечно же, не преминула примкнуть к этой категории девиц. Наша тайная фейская банда, состоявшая из трёх выпускниц (включая меня), имела символичное название «Союз косы и колбасы», просто потому, что все инсти-тамки носили косы (и не только в виде причёсок, но и в плане инвентаря для сельхозработ по выкашиванию дождей, чтобы внести в погоду на Земле ясность), а ещё каждая из нас троих претендовала на звание «деловой колбасы». Я даже не сомневалась: в том, что случился внеплановый звездопад, была виновата одна из моих подружек.

– «Союз косы и колбасы»! Подъём! – крикнула я, соседкам по комнате.

– Ну, что ж так рано-то?! – раздался возмущённый возглас из гамака у окна (феи плели их, как сети, из светлых надежд – очень хорошее средство для отлова приятных снов)

А вот ещё одного голоса, причём самого писклявого, не было слышно. Виновница звездопада спала без задних ног и крыльев: фАта Май ра Ал – самая милая блондинка Инсти-тама. Титул «фАта» означал, что она относится к так называемым «прекрасным» феям, которые очаровывали своей красотой и по окончании Инсти-тама получали звание «Мастер Соблазна». Семейство Ал, казалось, специализировалось именно на таких дочерях, а Май была самой старшей, самой блондинистой и, конечно же, самой прекрасной из них.

– Май ра Ал! Признавайся, твоей магии дело? – строго спросила я, склонившись над её ухом.

– Я слушала ночь над Францией, и там внизу один человек обещал достать столько звёзд с неба для своей возлюбленной, сколько поцелуев она ему подарит! Как же я могла не помочь?! – прошептала Май, сквозь сон.

«Прекрасные» всегда отличались отчаянным романтизмом и покровительствовали влюблённым.

– И как? Подарила она ему поцелуй-то хоть один? – спросила фэри Сой раЭй (та самая, что спала в гамаке у окна).

Она происходила из ветви так называемых «домовитых» фей, которым по окончании Инсти-тама вручали диплом «Мастера Быта». Пока же Сой в рамках своего ремесла лучше всего удавались бытовые скандалы, хотя и салаты эта изящная брюнетка готовила неплохо.

– О-о-о-о! – пробормотала Май и так сладко улыбнулась, что мы обе позавидовали ей (конечно же, самой белой фейской завистью).

Дело в том, что все феи мечтали взглянуть на сильфов хоть одним глазком, но, по древним обычаям, встречались с ними только на собственной свадьбе, причём выбирали пару специальные Парные Ведомства. Делалось это в целях поддержания равновесия в магии фей, которое могло нарушиться из-за количественного перевеса рождаемости в отдельных ветвях волшебства, не будь тотального контроля. За нарушение запрета на свободное общение с сильфами феям полагалась «секир-башка», а точнее «секир-крыло», поэтому многие из волшебниц подглядывали за людьми: эти создания были чем-то похожи на нас, только более неуклюжи и бескрылы, впрочем, бытовало мнение о том, что любовь и творчество могут окрылять даже их. Так вот, феи наблюдали за людьми, завидуя их свободе и пылким свиданиям при луне, а фАта Май отличалась особенным усердием в наблюдениях.

Кое-как разбудив подругу, «Союз косы и колбасы» в полном составе двинулся к залу заседаний, где с выпускницами Инсти-тама перед главным испытанием должна была провести беседу Главная Наставница. Выйдя из корпуса, мы дружно двинулись в светлеющую даль, прыгая по радугам, выгнувшись в направлении восхода, а потом полетели, щёлкнув переключателями на выданной каждой фее учебной модели крыльев, которые после выпускного бала заменялись настоящим атрибутом мнимой свободы. Она действительно была мнимой, потому что нельзя ощущать себя свободным, живя в фейском обществе, пропитанном догматами и условностями, некоторые из которых существовали с начала времён.

Я заподозрила неладное ещё при старте: крылья двигались как-то вяло, хотя вечером я проверила и почистила эту конструкцию – всё работало отменно. В общем, в самой высокой точке я вдруг начала стремительно терять высоту, проламывая собой громады облаков так, словно меня низвергли с небес, лишив возможности летать за мои проступки. Такое тоже случалось среди фей. В детстве матрии пугали нас тем, как тяжела и неказиста земная жизнь, попутно вдалбливая свод правил фейского этикета, но следовать ему сейчас не представлялось возможным. Я всегда знала, что, образно выражаясь, могу прошибать стены проблем своей головой, но никак не могла подумать, что это относится и к плотным слоям облаков.

– Мы тебя спасём! Попробуй затормозить полёт! – прозвучал в отдалении низкий голос Сой ра Эй.

Я оглянулась и увидела, что обе мои подруги, полностью сложив крылья, падают вслед за мной, пытаясь догнать и поймать меня в воздухе, но всё-таки они были слишком далеко. Их магия (впрочем, как и моя) не подразумевала помощи в полётах, поэтому перспектива для меня вырисовывалась весьма неприятная: либо я падаю на защитную сеть, отделяющую Облачный Предел от обычных небес, и тогда мною занимаются службы охраны, что могло повлечь за собой кошмарную процедуру расследования причин моего поступка, который запросто могли принять за побег, либо, что ещё хуже, я пробиваю и эту преграду и оказываюсь на земле без надлежащего разрешения Наставницы, а, может быть, даже разбиваюсь насмерть!

Эти мысли пролетели в голове, как клин уток, чинно следовавший своим курсом, к которому непонятным образом прибились два жирных гуся.

– Бу-га-га! – нахально загоготал один из них, оказавшись рядом со мной, и был тут же схвачен за лапы.

Дальше началось самое интересное. Гусь, не ожидая внезапного отягощения, рухнул вниз, бешено молотя крыльями, а вся стая, громко галдя, устремила за ним. По этой причине мой полёт, хотя и замедлился, но обрёл беспорядочность перемещений, из-за которых продырявленные мною небеса закружились у меня перед глазами, образуя разноцветную воронку. Я думаю, что все, кто видел это чудо высшего пилотажа, были под впечатлением от такого зрелища, возможно, впоследствии менестрели сложили бы песни об этом (что-то вроде «Летать утки, летать утки и два гуся...»). Не зря же ветвь фей, к которой принадлежала я, обозначалась в общей иерархии как «затейницы», а титул, получаемый такими, как я, именовался «Мастерица-затейница». Вот уж точно, как затею сейчас чего-нибудь – мало никому не покажется!

Защитная сеть была уже совсем близко. Её создавали для того, чтобы надёжно отделить наш мир от мира людей, потому что, по предсказаниям фей-пророчиц, люди в отдалённом будущем будут строить машины, способные покорять небеса. Я видела, как сеть слегка поблёскивает от солнечных лучей, и уже приготовилась к страшному удару о её поверхность, как вдруг неожиданно повисла в воздухе, словно меня схватили за шиворот, как нерадивую ученицу.

– Отпустите птицу, кейю Лэй ра Ин! – тихо сказал кто-то прямо мне в ухо.

Я разжала пальцы, и гусь, ошалев от счастья, рванул ввысь, не смея больше гоготать над потомственной феей. В этот момент я вдруг ясно осознала, что голос, назвавший меня полным именем, этот светлый и мягкий лирический баритон, принадлежал мужчине! Сильф! Здесь?! Неужели?! Как он мог проникнуть на территорию Инсти-тама?! Откуда знает обо мне?! И как это вообще понимать?! Я силилась повернуть голову, чтобы увидеть его хоть одним глазком, но вокруг была только сияющая белизна облаков да небесная синь.

– Заклинание невидимости! – проворчала я, поняв, в чём дело.

– Перестаньте крутить головой! – прошептал сильф так, что его губы коснулись мочки моего уха.

Какая чудовищная наглость! И... почему же она была мне по душе?!

– Да кто вы такой?! Как вы вообще посмели?! – возмутилась я.

– Прикажете отпустить вас? – насмешливо спросил сильф.

– Нет! – воскликнула я. – Но я хочу знать, что происходит!

Со стороны всё, наверное, смотрелось очень забавно: фея с растрёпанными рыжими волосами, подвешенная в воздухе за шиворот, машет ногами, как брыкающийся конь, и крутит головой, как сова.

– Я найду вас позже, и всё прояснится! – сказал голос, и я ощутила лёгкое и приятное прикосновение к моей руке.

А в следующее мгновение стремительный подругопад достиг цели, то есть меня.

– Фу-х! Живая! – радостно запричитала фАта Май ра Ал, на миг повиснув у меня на шее, отчего моя учебная форма жалобно затрещала где-то в районе шиворота, за который меня продолжал держать невидимый сильф.

– Мы тебя поймали! – успокоила фэри Сой ра Эй, взмахнув крыльями, и Май последовала её примеру.

А я с преступным сожалением ощутила, что таинственный собеседник отпустил мой воротник. Кто же он такой? Как и зачем проник на закрытую территорию?! Вопросов было хоть отбавляй, а ответов пока никаких. В результате этого нежданного приключения «Союз косы и колбасы» прибыл на беседу с Главной Наставницей с небольшим опозданием. Это грандиозное действо было давней традицией и проходило в Чертоге Четырёх Погод – главном здании Инсти-тама, расположенном в высшей точке Облачного Предела. Там находился особый зал без потолка. Вернее, потолком ему служила пугающе глубокая тёмная высь, словно чёрная чаша, полная далёких звёзд, накрывавшая продолговатый сосуд зала. И из этой чаши одновре-

менно били в глаза солнечные лучи, шёл дождь с грозой, кружились снежинки и вращалась воронка торнадо.

Главная Наставница вычурно звалась Ма хада Нью ара Ом. «Ма» происходило от сокращения слова «матрия», титул «хада» означал, что она относится к феям-изобретательницам, а обозначение «ара» говорило о том, что фея не замужем по соображениям служения великой цели. Как все феи, она была хороша собой, даже несмотря на солидный возраст лет эдак в полторы тысячи. Серебристые волосы рассыпались по острым плечам, а в огромных серебряных глазах отражались мудрость и власть.

Всю её речь я пропустила мимо ушей, которые, казалось, полыхали от смущения: я думала о сильфе. Наверное, вид у меня при этом был отсутствующий, что не укрылось от Ма хады Нью ара Ом. По окончании церемонии, когда все инсти-тамки уже выходили из зала, ко мне подошли две старшие матрии, чтобы проводить в кабинет Главной Наставницы. Этот маршрут вызывал ужас у всех фей, кроме меня: дело в том, что Ма хада Нью ара Ом была моей родственницей и, хотя и демонстрировала показную строгость, относилась ко мне благоклонно.

В её кабинете было много статуэток, очень реалистично изображавших все выпуски Инсти-тама. От нечего делать я принялась разглядывать их, попутно заметив лепесток света, край которого торчал из фейского тайника. В таких световых хранилищах наставницы вели личные дела своих подопечных, и всё бы ничего, но у этого был Красный уровень секретности. Что же там такое в этом лепестке?! Я уже умирала от любопытства, когда Главная Наставница всколыхнула моё хрупкое спокойствие своим заявлением.

– На тебя поступил донос кейю Лэй! – строго сказала она.

– То не выносят, то доносят... – пробормотала я, не решившись заглянуть ей в глаза.

Серебро в них сейчас обрело блеск стали, словно Главная Наставница хотела пронзить меня своим взором, как клинком.

– Как ты понимаешь, уже не один! – добавила Ма хада Нью ара Ом и нахмурилась.

Что поделаешь, феечки в отсутствие мужского внимания любили создавать доносы: женская зависть иногда идёт рука об руку с женской дружбой, а чужие успехи всегда бередают чьи-то раны и дают повод наточить зубы.

– Последний поступил сегодня. – В голосе Главной Наставницы послышалась горечь. – Его я не смогу проигнорировать, как остальные, потому что он зарегистрирован в Собрании Фейдерации, и в нём указано вопиющее нарушение наших законов: попытка без высшего дозволения пройти сквозь защитную сеть!

Здесь пришёл мой черёд хмуриться. Надо же, как оперативно кто-то сработал! Значит, поломка крыльев не была случайной. Я быстро перебирала в памяти образы всех моих конкуренток, которым я, лучшая ученица Инсти-тама, могла перелететь дорогу. Таких было довольно много, но мои подозрения пали на кери Дуй ра Ул: уж слишком едко эта тощая и сутулая, как коромысло убывающей Луны, девица хихикала сегодня, поглядывая на меня! Все кери относились к так называемым «деловым» феям и отличались особой вредностью и хитростью, иногда переходившими границы разумного. С учётом этого факта роль Парных Ведомств, контролирующих гармонию волшебства, уже не казалась такой уж бесполезной: от одной этой Дуй ра Ул проблем не оберёшься, а если не контролировать рождение «деловых» в Облачном Пределе, начнётся настоящий хаос.

– Эта «попытка» была спровоцирована моими завистницами, – сказала я. – Но я не хочу озвучивать чьи-либо имена.

– Мне известно её имя! И она тоже понесёт наказание! – строго сказала Главная Наставница, перебив меня на полуслове. – Но самое страшное в другом! Что за способ ты выбрала, чтобы затормозить падение?

Я собрала всё своё мужество, чтобы выдержать её взгляд. Неужели она знала о сильфе?!

– Разве применение подъёмной силы жирных гусей запрещено в Облачном Пределе? – с самым наивным видом спросила я и умолкла, не смея ни солгать моей собеседнице, ни сказать всю правду.

– Я поручилась за тебя, кейю Лэй! – сказала Главная Наставница (похоже, она знала или догадывалась обо всём). – Расследования не будет, но, чтобы доказать свой статус, ты получишь самое сложное задание в качестве выпускной работы.

Мне захотелось обнять её и поблагодарить за доброту: Ма хада Нью ара Ом, спасла меня от позора, пойдя на большой риск. Но фейский этикет не позволял сентиментального поведения, тем более с теми, кто стоял выше по иерархической лестнице, поэтому я ограничилась только коленопреклонением – официальным жестом уважения и благодарности старшим.

– Отправляйся за заданием! Тебя уже ждут! – сказала Главная Наставница, и мне показалось, что в её голос дрогнул, выдавая волнение.

Эх, хотела бы я взглянуть в глаза тому сильфу, из-за которого разразился весь сыр-бор! А ещё лучше – заглянуть ему в мысли, но это заклинание можно было провести только над известными мне индивидами, а тут...хм...сплошные интриги тайны. Задания для выпускниц выдавались специальной комиссией, и вся эта процедура среди инсти-тамок называлась «Парилкой», но вовсе не потому, что кто-то там парился (ну, если только в переносном смысле и от волнения). Просто, по давней традиции, с каждой феей заключалось пари. Если его выигрывала фея, задание считалось выполненным, а её волшебный статус – подтверждённым, в противном случае несчастную могло ждать повторное обучение или даже изгнание.

«Парилка» находилась в так называемом Конусе Возмездия – это было место, скрытое от лучей солнца и других светил специальными приспособлениями, поэтому внутри Конуса царила вечная ночь, а восседавшие там феи-сретницы вещали из мрака. Среди инсти-тамок они заслужили прозвище «противные феи» – то ли потому, что становились противницами в фейском пари, то ли, и правда, были противными, как некоторые вредные женщины. Пока я шествовала туда, шагая по мягким облачным ступеням, мои подружницы, треща крыльями и языками, летели за мной, трогательно давая разные бессмысленные советы и пытаясь подбодрить меня перед главным испытанием.

В этот момент я вдруг осознала, что скоро, после выпуска, наш «Союз Косы и колбасы» может распасться навсегда, потому что у каждой из нас будет своя миссия и место фейского присутствия. Мне стало щемяще грустно и даже немного страшно, но с такими чувствами нельзя было входить в Конус Возмездия: примета плохая. На пороге я остановилась и попыталась выбросить из головы мрачные мысли, подумав о чём-то весёлом и забавном, но все мои идеи упорно крутились вокруг образа сильфа. Что ж такое?! И к чему бы это?

– Кто на пороге?! – неожиданно послышался из Конуса квартет женских голосов, что заставило меня вздрогнуть – такое мрачное впечатление они производили; противные, одним словом.

– Кейю Лэй ра Ин! – ответила я и шагнула внутрь.

Этому ритуалу нас обучали с первого цикла обучения, но происходящее всё равно производило неизгладимое впечатление, потому что никакая теория не сравнится с практикой. На меня обрушилась кромешная тьма Конуса Возмездия. Я пошла вперёд, мысленно отсчитывая тринадцать шагов по пустоте над пропастью, и остановилась в центре, ожидая появления «противных»; те не заставили себя долго ждать.

Феи-сретницы появились парящими в лучах нестерпимо яркого света. Их было четыре, и каждая отличалась какой-то особенной резкой красотой, которая одновременно и отталкивала, и привлекала. Было что-то мрачное, но прекрасное в их бледных и тонких, величественных ликах, а в очах, словно поросших белой пеленой, страшно дрожали и двигались глазные

яблоки. Никто уже не помнил имён этих фей, потому что они давно стали частью Облачного Предела – символом его тайного смысла, а, может быть, даже родились вместе с ним.

– Зачем кейю Лэй ра Ин беспокоит наш сон?! – спросили феи, и их глазные яблоки сдвинулись так, будто они видели меня через покрывавшую их пелену.

На первом цикле обучения нам пояснили, что они действительно спали всё время, и так, во сне, познавали всё, что творилось в разных мирах.

– Я пришла заключить пари! – ответила я, стараясь казаться уверенной и смелой, хотя на самом деле мне было не по себе.

В ответ мне послышался смех. Мелодичный и тихий, он казался колким, как холодные прикосновения острых кристаллов льда. Это меня взбесило. Почему они смеются?! Думают, что я проиграю?! Да я в три узла теперь завяжусь, чтобы стереть эти ухмылки с бледных лиц!

– Внизу, на Земле, где живут люди, внешне напоминающие нас; там есть страна, которую все называют Францией, – снова заговорили феи, излагая суть нашего пари. – Сейчас номинально ею правит Карл VII Валуа.

Они подняли головы, словно приглашая меня последовать их примеру. Я тоже устремила свой взгляд ввысь и увидела там образ монарха, сотканный волшебством фей. Это был носатый молодой мужчина, подстриженный «под горшок». Как и следовало ожидать, его внешность не вызвала во мне ни капли симпатии.

– Его прозвище – «Гусёныш!» – сказали феи, снова разразившись смехом. – И более трусливого и слабовольного короля мы не знаем!

«Ещё один гусь!» – подумала я, вспомнив несчастную птицу, чуть не получившую сегодня разрыв сердца из-за моих усилий.

– Спорим, что тебе никогда не сделать так, чтобы он вошёл в историю людей как Победитель, обезвредив тех, кто интригует против короля?! Что скажешь нам, кейю Лэй ра Ин? – Это прозвучало как вызов, и я его приняла.

Впрочем, у меня, как и у любой другой на моём месте, просто не было выбора: выиграть пари означало выиграть удачную жизнь в фейском обществе. Конечно, это задание больше подходило для кери, слывших признанными интриганками, а мне было и вовсе не по чину, но и затейницы тоже не просто так в Инсти-таме учились!

– Ну что ж, я берусь сделать этого... гуся победителем! – храбро сказала я. – Только, чур, потом не жаловаться, что вся история Франции пойдёт наперекосяк!

– Пари заключено! – торжественно и как-то зловеще произнёс квартет из четырёх голосов, и на меня снова обрушилась кромешная тьма.

– Ну, как там, что? – робко спросила фата Май ра Ал, сложив свои изящные маленькие ручки на груди, что означало крайнюю степень волнения, когда я вернулась из Парилки, чтобы присоединиться к моим подругам в Центральном Славне Облачного предела (так называли благоустроенную территорию, располагавшуюся во дворе общежития). Всё было просто: люди у себя на Земле делали скверы, и часто настраивание у них складывалось скверное, а феи создавали Славни, ну, и настрой в них создавался соответствующий, славный.

– Да что, что? – попыталась улыбнуться я, щурясь от яркого света. – Феи там, и правда, противные! Даже очень!

– Это не важно, ты скажи, задание какое дали?! – резонно заметила фэри Сой ра Эй.

Мы присели на качели из ветровых струй, и я рассказала подругам обо всём, что случилось, умолчав только о силфе. Я сделала это не потому, что не доверяла феям «Союза косы и колбасы» – нет, просто я хорошо знала, что ветры быстро разносят сказанное, и таким образом о моём спасителе могли узнать не только мои подруги.

– Какие же вредины эти кери! – возмутилась фэри Сой ра Эй и вывалилась из потока ветра из-за резкого взмаха руками.

– Жалко, что король какой-то страшненький! – вздохнула фата Май ра Ал, пока наша подруга, шелестя крыльями, снова занимала своё место на качелях.

– Таких трудновыполнимых пари никогда не заключали! Напридумывали спросонья, а ты отдуваться будешь?! Надо в Фейдерацию протест подать, когда тебя туда вызовут, иначе как ты собираешься выполнить задание? – спросила самая домовитая и практичная среди нас, наконец, усевшись рядом со мной.

– Пока не ясно, – проворчала я в ответ. – Надо сначала понять, почему Гусёныш должен стать Победителем, историю изучить, этикет... Протесты не выход! К тому же, я смогу увидеть людей и жить среди них, а это интересно!

– А если Слёт будет объединённым, то тебе представится возможность взглянуть на настоящих сильфов! – поддержала меня фата Май ра Ал.

Я усмехнулась и покачала головой. Подруга была права: Фейдерация и Сильдерация иногда проводили совместные Слёты, если дела были особо важными. А вдруг моё – одно из таких? Для фей-затейниц общение с сильфами не стояло на наипервейшем месте в отличие от прекрасных, но взглянуть на тех, кто зачем-то нужен феям для продолжения рода, всё-таки хотелось. Несмотря на запреты матрией, буквально все инсти-тамки наблюдали за особенностями продолжения рода у людей, но у фей, как нам объясняли, этот процесс носил совершенно иной, платонический характер, и поэтому представлял для нас тайну, покрытую мраком.

Вряд ли на Слёте этот вопрос мог проясниться, но там я, возможно, смогу снова услышать тот бархатный лирический баритон моего спасителя и узнаю его? Хотя, это вряд ли возможно: ведь в высшие слои власти Облачного Предела попадали только самые опытные, а, значит, прожившие не один век сильфы и феи, а мой незнакомец, как мне казалось, не отличался ни мудростью, ни долголетием, потому что такой рискованный поступок мог совершить только юный и безрассудный сильф.

Все следующие мгновения моей жизни были подчинены одной цели: я усиленно готовилась к отчаянному прыжку на Землю. Оказывается, и фея может выйти в люди, а вот возможен ли выход в феи для людей – большой вопрос. После уймы времени, которое мне пришлось провести в Саду Лепестков света, пробивавшихся сквозь облака, где феи хранили информацию, моя голова стала напоминать сундук, туго набитый знаниями без должных умений. Ну, ничего! Разберусь! В крайнем случае, внедрю что-то своё!

Но самое интересное произошло позже. Дело в том, что мне полагалась консультация фей-пророчиц, общение с которыми входило в курс подготовки тех, кто заключил пари.

Фей-пророчицы обитали в полупрозрачных Облаках Прорицания – так назывались искусственно создаваемые сферы, заполненные Газом Предвидения, от вдыхания которого у фей возникали видения. Проникать внутрь облака обычным инсти-тамкам и даже высшим в иерархии было опасно из-за токсичности газа, поэтому Пророчицы выходили на связь с помощью трансляции мыслей или с помощью громогласных воплей, потому вокруг Облака Прорицания была хорошая звукоизоляция, чтобы не выносить тайные предсказания на всеобщее прослушивание. Смотрелись эти провидицы ещё более оригинально, чем феи-сретницы, поэтому слабонервным на входе выдавали сладкую облачную вату для успокоения и шарф из лучей зари в качестве повязки на глаза. Мне тоже вручили два этих ценных средства, но любопытство взяло верх над здравомыслием: облачную вату я пустила по ветру, а шарф упрятала в карман. Судьбе надо смотреть в лицо! Чтобы разглядеть фей-пророчиц, я вплотную приблизилась к поверхности облака. Внутри витала разноцветная мерцающая смесь, в которой едва угадывались ускользающие очертания чего-то невообразимого.

Я запаслась терпением, полагая, что обещанного три года ждут, но прорицательницы всё не появлялись. В какой-то момент я даже решила, что пора уходить, как вдруг прямо передо мной из сияющей массы газа возникло странное существо, заставившее меня отшатнуться от

неожиданности. Я бы, наверное, бросилась наутёк прямо по мелким облачкам, гонимым ветрами перемен, как вдруг у меня в голове чётко прозвучали три женских голоса.

– Твой вопрос, кейю Лэй! – сказали они, и каждое слово отозвалось дрожью у меня в теле.

Вот так консультация! Как тут сохранить фейское здоровье?! Я заставила себя внимательнее рассмотреть существо, парящее у поверхности облака, и ко мне только сейчас пришло понимание того, что оно и было пророчицами: тела трёх фей срослись в одно затылками так, что каждая смотрела в одну из трёх сторон пронзительным немигающим взглядом. Так они сразу находились в настоящем, прошлом и будущем.

– Думаете, тот, кого я встречу там, в мире людей, действительно будет победителем? – пробормотала я, поражённая их видом и мрачным звучанием их голосов.

Этот вопрос был нелогичным и непродуманным. Я просто озвучила свои мысли и успела пожалеть о том, что так нелепо потратила консультацию, но изменить ничего было нельзя: вопрос по провидческой квоте разрешался только один, с его помощью запустился механизм предсказания. Феи-пророчицы сделали глубокий вдох и, оттолкнувшись от поверхности, закружились в завораживающем танце прорицания. Казалось, сквозь точку соприкосновения их затылков проходит невидимая вертикальная ось, вокруг которой происходит постепенно ускоряющееся вращение. Феи-пророчицы то взмывали ввысь, то снова спускались вниз, буравя времена своими немигающими взглядами. Их совершенные абсолютно одинаковые бесстрастные лица мелькали передо мной с ужасающей быстротой, а губы шептали что-то невнятное о сердцах, делах и крыльях.

– Мда... – прошептала я. – Кажется, мой вопрос основательно вскружил им головы, и снимается как дурацкий.

Правда, был один нюанс: в какой-то момент феи-пророчицы начали странно шуриться, словно им в глаза били лучи нестерпимо яркого света, мешавшего разглядеть суть. Они пытались заслониться от него, выставляя, как щит, мраморно белые ладони, но это не помогало. В общем, консультация получилась очень неоднозначная, но запоминающаяся. С пророчествами всегда так: важно не само предсказание, а как его истолковать. Я решила, что свет – это добрый знак и отправилась на аудиенцию к Главной Наставнице, которая уже ждала меня в своём кабинете.

– Что ты выбрала для создания ситуации знакомства с объектом? – спросила меня Ма хада Нью ара Ом, когда я, всё ещё под впечатлением от пророчеств, явилась пред её светлые серебряные очи. – Тебе нужно подать прошение в Фейдерацию. Ты помнишь правила? Можно попросить не более одного земного процесса или одной земной вещи.

Конечно, я помнила об этом! У каждой феи после заключения пари была фора в виде возможности подготовки на земле определённых событий или переноса туда предметов, необходимых для достижения цели. Всё это можно было сделать только один раз по строго определённым квотам и до момента перехода, затем пользоваться помощью Облачного Предела строго запрещалось. В общем, я приоткрыла мысли и показала Главной Наставнице всё, что я планировала сделать.

– Какая авантюрная затея, кейю Лэй ра Ин! – строго сказала Ма хада Нью ара Ом, внимательно рассмотрев мои замыслы, но по её улыбке было ясно, что я на правильном пути.

А по поводу авантюренности затеи... Такие уж мы «кейю»-затейницы: сплошные авантюры в голове! Слёты высшей власти проводились в верхних слоях облаков под нестерпимым светом солнечных лучей. Мы прибыли туда вместе с Главной Наставницей, которая временами уже бывала там, поэтому сохраняла холодное фейское спокойствие, я же не могла скрыть восторг. Небо, залитое ярким сиянием, казалось серебристо-белым, и гладь облаков под ногами тоже сияла, словно была усыпана звёздной крошкой. Золотой шар солнца в вышине казался центром Вселенной – сердцем, в такт которому бились все сердца.

– Это объединённый Слёт, поэтому среди высших персон будут и сильфы, – тихим шёпотом говорила Ма хада Нью ара Ом. – Не таращи на них свои светлые очи и не выказывай знаков внимания: это неприлично для молодой феи!

«А для старой прилично?» – хотела спросить я, но вопрос отпал сам собой, когда я увидела, как расцвело от улыбки лицо Главной Наставницы.

Кому это она там улыбается?! Так и хотелось посмотреть, но поднять взгляд на кого-то из парящих в лучах света представителей Сильдерации было страшновато, поэтому я довольствовалась рассматриванием нижних частей их тел от ступней до пояса, благо, прозрачные тончайшие одежды, принятые у жителей Облачного Предела, позволяли это. Ноги и бёдра у сильфов, кстати, выглядели очень красиво: мускулистые, мощные и при этом стройные и лёгкие. Да что там – я была уверена, что каждый из них был образчиком совершенной мужественной красоты!

– Феи-сретницы доверили это пари ей?! – прозвучал в тишине чей-то величественный тенор, от которого у меня по телу разлилась приятная истома.

Какие восхитительные голоса были у сильфов! Впрочем, тот, что принадлежал моему спасителю, отчего-то показался мне даже более волнующим, чем тот, который я услышала только что.

– Затейнице?! И это при том, что с заданием в полной мере не справились ни несколько прекрасных, ни воительница, вписанная в историю, как Жанна д'Арк?! – продолжал он.

Изучая положение дел в Саду Лепестков света, я узнала, что моё пари было заведомо провальным, потому что его проиграли уже несколько фей. Прекрасные пали жертвами измен любвеобильного короля, не сумев удержать власть над ним (интересно, что в этом Гусёныше находили женщины?), а фея-воительница, хотя и выиграла войну, укрепившую влияние Карла VII, пала жертвой человеческих придворных интриг. Так что мне надо было очень постараться, чтобы избежать участи Жанны: сожжение на костре было губительно для фей.

– Но, тем не менее, пари заключено! – возразил звучный грудной женский голос, от которого у меня по спине поползли мурашки.

Фея, сказавшая это, выглядела очень решительной и держала в руках меч. Воительница! Такой под горячую руку попасть – себе дороже! Нет, всё-таки феи были куда опаснее и жёстче сильфов! Говорят, что изгнанные из Облачного Предела потом переквалифицировались в ведьм.

– Как ты собираешься выиграть пари, кейю Лэй ра Ин?! – спросил всё тот же тенор.

– А для чего вообще нужно сделать Гусёныша Победителем?! Почему это так важно Облачному Пределу и всем Высшим Небесам? Ведь если на Землю отправили столько наших... – начала я, приведя в замешательство всех слетевшихся фей и сильфов.

– Вопросы здесь задаём мы! – гневно перебила меня фея-воительница, поднимая меч.

– А ведь вопрос-то правильный! – неожиданно заступился за меня один из сильфов, обладавший восхитительным басом. – Она в отличие от всех прочих хочет понять суть, а не просто выполнить условия пари.

Забыв о приличиях, я подняла голову и встретила взглядом сильфа. Он смотрел на меня сверху вниз, отчего мне казалось, что его миндалевидные светлые глаза мечут в меня ледяные стрелы. Его мужественный лик, отмеченный какой-то немного мрачноватой и тяжёловесной красотой, не пугал меня и не оставлял ощущения раздавленности, которое присутствовало при каждом взгляде на фею, парившую рядом с ним. Крылья сильфов не отличались тонкостью и изяществом, как крылья фей, а скорее производили впечатление потрясающей силы и мощи. Я представила себе, как мог выглядеть мой спаситель, тоже паривший на таких вот могучих крыльях. Мне почему-то казалось, что у него обязательно должен быть высокий лоб, волосы до плеч и гордая осанка.

– Мы – старшая раса этого мира, за нами – мудрость, опыт и сила, – назидательно сказала другая фея (судя по всему, кери: уж очень хитрым был её взгляд). – Помогать нашим менее опытным, но перспективным собратьям – долг каждого из нас.

Так вот в чём было дело! Все инсти-тамки воспринимали пари как игру, а здесь всё, оказывается, очень серьёзно и альтруистично! Сказанное, похоже, должно было заставить меня иначе относиться к моей миссии и даже гордиться ею, но что-то во взгляде этой могущественной деловой феи настораживало и заставляло усомниться в искренности её слов, оставляя место для навязчивых идей о том, что члены Фей-Силь-дерации чего-то недоговаривают. Хотя вполне возможно, что такое предвзятое отношение к кери у меня развилось из-за недавнего инцидента с поломкой крыльев. А ведь феи должны быть бесстрастными – это одно из главных правил! Что ж... Я вздохнула и приняла самый наименее пристрастный вид. Разберусь на месте, кто и что там мне недоговаривал!

– Мы слушаем твоё прошение, кейю Лэй ра Ин! – громогласно возвестил заступившийся за меня сильф. – Огласи его, но помни, что это единственная помощь, которую мы окажем тебе. Воспользуйся ею мудро!

– Ну, в общем... – Я запнулась, подумав о том, что, вряд ли моя мудрость достаточна для выигрыша пари.

– Короче! – оборвала мои метания фея-воительница.

– Короче, мне позарез нужны сломанный конный портшез (*средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах крытого кресла без колёс, переносимого лошадьми. – Прим. автора*) и, так сказать, «сломанный» мозг... – начала я, ожидая бурю негодования от присутствующих, потому что моё прошение превышало выделяемые феям квоты, что могло быть расценено как дерзость.

Но сильфы и феи лишь снисходительно засмеялись в ответ и закивали друг другу, будто говоря: «Чего ещё ожидать от затейницы».

– Не скрою, нам не приходилось слышать более несуразное прошение, чем твоё! – перебив меня, заметил один из сильфов. – Все просят денег, положения в обществе, награды и звания, а ты... Кейю Лэй ра Ин, ты настаиваешь на сказанном?

– Настаиваю! – с вызовом сказала я. – Деньги, положение в обществе, наряды и звания я получу сама при удачном раскладе.

– Будь по-твоему! – посовещавшись, сказали сильфы и феи. – Будет тебе и то, и другое. Ввиду несуразности прошения мы готовы удовлетворить его, невзирая на превышение квот.

День моей транспортировки на Землю стал чем-то вроде дня скорби для моих подруг, злорадного веселья для моих конкуренток и эффектного развлечения для всех остальных, включая меня. Матрии, как ни старались, не смогли удержать фей в учебных корпусах, и весь крылатый сонм юных прелестных волшебниц потянулся за воздушным транспортом, на котором было решено доставить меня до места выполнения задания. Моей главной недоброжелательницы, написавшей донос (теперь это было доказано внутренним расследованием), среди них не было: наверное, кери Дуй ра Ул отбывала наказание или покрылась мелкой пылью от досады и не решилась выйти в свет. В общем, я была рада, что не увижу её хорошенькое личико, на котором всегда застывало выражение наивысшего высокомерия.

Крылья мне не полагались, зато меня снабдили Кулоном Возвращения – волшебной вещицей, с помощью которой я могла позорно, но зато мгновенно перенестись обратно в Облачный Предел в случае крайней опасности или полной неудачи; кроме того, фэри Сой ра Эй в миг нашего прощания быстро и незаметно завязала мне на запястье почти невидимый браслет связи, сплетённый ею накануне из локонов, отрезанных у каждой феи из «Союза косы и колбасы». Всё-таки не зря Мастеров Быта учили магическому рукоделию! Красиво получилось и практично. Блондинисто-чёрно-рыжий браслет позволял мне тайно общаться с подругами в любое время дня и ночи: одна голова – хорошо, а три – лучше!

Главная Наставница, провожавшая меня до защитной сети, молчала, следуя суровым обычаям фей, но я знала, что она очень переживает за меня и старалась не показывать волнения. Перед тем как мой белогривый облачный скакун, вырвавшись за пределы фейских владений, помчался галопом, словно желая выбросить меня из седла, Ма хада Нью ара Ом на прощание как-то странно коснулась моей руки, отчего я ощутила покаяние на кончиках пальцев, но дальше ничего не произошло, поэтому я не обратила должного внимания на неожиданный поступок Главной Наставницы. Да и не могла я концентрироваться на таких вещах – ведь новый и чуждый, но такой привлекательный мир вот-вот должен был открыться передо мной!

Меня охватил восторг, как только, мои босые ноги (феи не носили обуви) коснулись травы. Я никогда не видела земных растений вблизи, хотя много знала о них благодаря содержательным лекциям наставниц, поэтому, впервые созерцая мягкую, кудрявую зелёную поросль, была поражена тем, насколько приятны и милы сердцу могут быть такие простые и несовершенные предметы. Как же красив и необычен этот дивный мир, в котором живут люди! Больше всего мне понравилась весомость каждого элемента бытия в нём: могучих стволов деревьев и венчавших их грандиозных крон, похожих на зелёные облака, щебечущих птиц, чьи голоса казались мне такими объёмными и густыми в сравнении с тихими, завораживающими головами фей и далёкими загадочными вздохами звёзд. Здесь даже небесный купол выглядел тяжёлым и тёмным, наливаясь синевой. Весомость была стержнем этого мира, не знавшего лёгкости бытия.

Когда во мне отшумели первые восторги, я испугалась, что всё пойдёт не так, как планировалось! Место и время моего появления я рассчитала по формулам перехода, опираясь на данные фейских карт. Вычислив точку Земли, где и планировала сразу встретиться с королём, я силой волшебства Высших Небес перенесла туда портшез, оставив его неподалеку от места встречи. Но вот сейчас только задумалась: а что если я ошиблась? Ну, для чего король забредёт в этот лес?! Ладно бы в сад или парк, а то ведь в самую чащу! Почему мне раньше это в голову не пришло? Впрочем, по фейской математике и теории вероятности у меня всегда были наивысшие баллы! Надо ждать! Оставалось ещё несколько мгновений до заветного часа, возможно, к тому времени и монарха сюда каким-нибудь ветром занесёт, а пока требовалось срочно привести себя в надлежащий вид.

Наряды и головные уборы, модные во Франции при Карле VII, меня не радовали от слова «совсем», как и внешность короля. По правилам, я должна была сейчас обрядиться в тяжёлое закрытое платье-роб с завышенной талией, украшенное меховой оторочкой, поясом и скромным декольте, выставлявшим напоказ лишь шею и небольшой кусочек верхней части груди чуть ниже ключиц. Волосы предписывалось убирать под высокий остроконечный конусовидный или трубоподобный головной убор с вуалью, называемый в народе энненом, причём, чем более значительным был статус дамы в обществе, тем выше должен быть конус. Свидетельства очевидцев утверждали, что из-за этого даже специально подрубались двери, позволив модницам беспрепятственно проходить в дверной проём, не задевая его головным убором и не приседавая. Подумав и решив ни в чём себя не обделять, я соорудила на голове подобие башни высотой в полтора метра, посмеиваясь над собой и местными порядками.

С волосами тоже было не всё так просто: на лбу их требовалось высоко выбривать (чуть ли не до середины головы!), оставляя напоказ небольшой треугольный мыс – наверное, чтобы эмитировать огромный ум, скрывавшийся под выбритым черепом. А мне так нравились мои рыжие локоны, падавшие на лоб, и воздушные полупрозрачные фейские платья, красиво облегавшие фигуру! Но правила есть правила: мыс так мыс (в моём случае я бы назвала его Мысом Доброй Надежды, хотя это название лучше было подсказать мореплавателям).

Конечно, у меня не водилось ни одного дорожного сундука или складного платяного шкафа (они не вошли в список разрешённых Слётом Фей-Силь-дерации вещей), но их с успехом могли заменить мои способности к волшебству, благодаря которым я моментально создала

образ нужного наряда, слегка изменив структуру ткани, чтобы добавить ей эффект струистой лёгкости, и немного увеличив декольте. Раз уж я собиралась изменить историю Франции, то почему бы не начать с моды? Обязательно займусь ею на досуге!

Я как раз прихорашивалась, рассматривая своё отражение в водах небольшого озера, когда у меня за спиной послышался стук копыт. Судя по всему, ко мне приближалась кавалькада всадников, сопровождаемая сворой собак. Скакуны мира людей были очень шумными и грузными в сравнении с белогривыми и лёгкими конями Высших Небес, стада которых, пасущиеся в вышине, так часто привлекали к себе восхищённые взоры детей и поэтических натур; впрочем, вскоре я поняла, что человеческие мужчины не уступают своим скакунам как по создаваемому ими шуму, так и по многим другим характеристикам.

– Уверен, что поблизости пасётся молодая пугливая лань, Ваше Величество, и вы сразите её своей меткой стрелой! – впад в охотничий азарт, кричал ловчий короля, ехавший рядом с Гусёнышем.

– Тогда почему псы не лают? – резонно заметил Карл VII, стремительно выезжая на поляну.

Вид у него был залихватский: фетровая шляпа заломлена набок, в руках – арбалет, ворот распахнут, глаза горят! Кто бы сейчас посмел сказать, что это безынициативный политик и трус, когда во взгляде короля сияло столько мужества и азарта? Такую энергию, да в нужное русло – вот моя программа работы по выполнению условий пари. Надо будет срочно определить, кто или что не позволяет королю ощутить вкус побед, снова стать собой – ведь в юности Карл VII славился смелостью, ловкостью и здоровыми амбициями.

– Они не лают, потому что... – Ловчий не произнёс больше ни слова, удивлённо уставившись на меня.

Псы, и правда, молчали, усевшись на траву и радостно свесив алые языки, – простейшее волшебство.

– Действительно, лань, – пробормотал король, не сводя с меня глаз.

А потом, подъехав ближе, опустил арбалет и взволнованно спросил:

– Кто вы, прекрасное создание, и как оказались в этом лесу?

Перед моим появлением на земле фата Май ра Ал выдала мне кучу полезных советов по завлечению особ противоположного пола и законам кокетства, а ещё пыталась научить меня чарующему взгляду «в угол – на нос – на предмет», сводящему мужчин с ума. Этим приёмом все прекрасные владели с рождения, но я решила не применять на практике такие методы воздействия, будучи твёрдо уверенной в том, что в общении нужно оставаться собой! По крайней мере, это честно. К тому же я не ставила себе целью свести кого-то с ума: ум – украшение мужчины, а значит, должен всегда оставаться при нём (если, конечно, изначально есть в наличии). Вследствие этого я лишь слегка игриво прикрыла лицо краем тончайшей вуали, струившейся, как водопад, с конусовидного головного убора, и ответила, прямо взглянув королю в глаза:

– Меня зовут Аньес Сорель, Ваше Величество, я – фрейлина Изабеллы Лотарингской.

Свою «легенду» я разрабатывала с особой тщательностью и, с разрешения Слёта Фей-Силь-дерации воспользовавшись помощью специальной разновидности фей, внушила Изабелле Лотарингской и теще Карла VII, Иоланте Арагонской, ложные воспоминания об Аньес Сорель, которой на самом деле никогда не существовало, так что в истории людей теперь навеки появилось новое имя. В этом и заключался эффект «сломанного мозга», который я указала в прошении к Фей-Силь-дерации. Феи, способные внушать воспоминания, а то и что похуже, в шутку назывались у нас «носатыми», потому что всегда совали носы не в своё дело; кстати, возможно, из-за этого носы у этих фей были длиннее, чем у всех других, хотя и не могли соперничать по длине с фамильным носом династии Валуа.

– Я отстала от моей благодетельницы, спешившей на аудиенцию с вами. Мой портшез перевернулся, и я, бросив его прямо на дороге, пошла искать помощи и, кажется, заблудилась и сгинула бы в этом лесу, если бы не вы, мой спаситель! – смущённо добавила я.

Моё смущение было вполне искренним, потому что мне никогда не приходилось концентрировать на себе столько мужских взглядов. И все эти мужчины, от простого конюха, до самого короля, смотрели на меня совсем не так, как феи Облачного Предела или сильфы из Сильдерации: их взгляды были огненно-алчущими, а радужки масляно блестели, словно я стала дичью, на которую они и охотились в этом лесу, причём моё смущение, казалось, только подлило масла в огонь. Немного разволновавшись от такого пристального и страстного внимания, я несколько ослабила контроль над своими чарами, в результате чего высота моего головного убора варьировалась, колеблясь в пределах от полутора метров до двух, как и длина шлейфа платья, но этого, на моё счастье, никто не заметил, кроме королевских псов.

– Ваше Величество! Там чей-то портшез на дороге! Чуть в овраг не угодил, – доложили два шустрых молодых пажа, ворвавшихся на поляну.

Моя легенда начинала работать! Король спешил. Теперь мы стояли рядом, и я могла рассмотреть Его Величество, так сказать, во всей красе. Надо отметить, что человеческие мужчины носили очень забавные наряды, несуразный покрой которых никогда не пришёл бы в голову никому из сильфов.

Верхней одеждой служил пурпуэн (*укороченная приталенная мужская куртка. – Прим. автора*). Заканчиваясь чуть выше бёдер, он плотно обтягивал стан, выгибал грудь колесом и выгодно расширял плечи своего владельца, делая талию визуально чуть ли не тоньше моей. Вторым важным элементом одежды были шоссы (*высокие суконные мужские чулки. – Прим. автора*), к которым спереди был заботливо пришит откидной клапан в виде расшитого золотом и жемчугом мешочка (в случае с королём – очень крупных размеров). В этот мешочек, выступавший у людей символом мужественности и состоятельности, мужчины порой, кроме известного телесного наполнения, даже клали кошёлёк и другие ценные вещи, а при отсутствии таковых набивали песком. Песок имел неприятную склонность к высыпанию во время танцев, поэтому фраза: «А из этого-то уже песок сыпется!» порой была как раз к месту.

Благодаря всем этим модным изыскам многие выставляли напоказ свои кривые короткие ноги, а у Его Величества они были ещё и худыми, что в сочетании с красными сапогами, широкими рукавами пурпуэна, похожими на крылья, и длинным фамильным носом Валуа только усугубляло правдивость прозвища «Гусёныш».

– А как же охота, сир? – робко спросил ловчий, тоже спешившись и не сводя с меня глаз.

– У нас никогда не было столь удачной охоты, как сегодня, Сильвен! – сказал Его Величество, даже не взглянув на своего слугу. – И мы увезем из этого леса самый прекрасный и драгоценный трофей!

Ощущать себя трофеем – сомнительное удовольствие, но, находясь рядом с королём, я поняла, что Карл VII уже не производит на меня такого отталкивающего впечатления, как при заключении пари. Может быть, потому, что я многое узнала в Саду Лепестков света о слабостях этого человека и об их причинах? Теперь мне было известно, что прозвищем «Гусёныш» его наградила собственная мать, Изабелла Баварская, почти сорок лет назад. Говорили, что, родившись, Карл VII поразил всех длинной синюшной шеей и оказался настолько слаб, что не мог закричать, а только шипел. А позже его мать отказала своему сыну в праве на трон, называя ребёнка незаконнорождённым: нервная оказалась женщина, что неудивительно, если учесть, что её мужем был Карл VI, прозванный «безумным королём».

В периоды приступов безумия этот «папа Карло», кроме всего прочего, пытался соскрести герб Валуа с дворцовой посуды и ввёл игры с женщинами на раздевание. Страна, остав-

ленная им в наследство своим потомкам, была раздираема противоречиями и внутренними войнами разных аристократических кланов, а часть Франции вообще захватили англичане. Стать королём Гусёнышу помогла печально известная Жанна Д'Арк, как выяснилось, посланная Облачным Пределом.

– Вы не откажете мне в любезности посетить мой замок, демуазель Сорель? – спросил король, у которого явно сбивалось дыхание от волнения.

Этим изящным певучим словом «демуазель» французы называли родовитых достойных девушек. Мне пришлось по душе такое прозвание. Но какие же они всё-таки забавные, эти люди! Обычная встреча с феей – и уже дышать не могут! Его Величество усадил меня на коня и, нежно и крепко придерживая свой «трофей» за талию, тронул поводья.

Через некоторое время мы уже мчались, опережая ветер и вездесущую свиту, вдоль реки Йевр. У меня захватывало дух от этого стремительного движения! В отличие от Высших Небес, с их утончённым умозрительным восприятием действительности, здесь, на Земле, на первый план выходили грубые физические ощущения, каких не могли испытать воспитанницы Облачного Предела. Было что-то завораживающее и одновременно пугающее в беге коня, мчавшегося во весь опор, в том, как перекачивались мышцы этого могучего зверя, как развевалась его грива, в сильных руках короля и тепле его тела, которое, казалось, стремилось слиться с моим.

Будто на крыльях ветра, мы летели туда, где в месте слияния двух рек на скалистом холме возвышался великолепный белый замок-крепость. Мне он напомнил копию Облачного Предела на земле, сделанную в масштабе один к десяти. Как хороши были его изящные башни, похожие на кружево из камня и стекла! Наверное, архитектор, строивший всё это великолепие, вдохновился красотой страны фей и сильфов, иногда, ранним утром или в лучах заката, открывавшейся взорам талантливых людей.

– Замок Меюн-сюр-Йевр! Он прекрасен, верно? – с гордостью сказал король, заметив мой восторг. – Именно поэтому я выбрал его своей резиденцией.

На самом деле так случилось потому, что Париж, столица Франции, в то время был занят врагами Карла VII – англичанами, ведь продолжалась Столетняя война, и вмешательство Жанны д'Арк помогло отвоевать только часть позиций, ограничив владения дома Валуа центром и югом страны. Карл в своё время бежал в город Бурж, откуда правил всеми оставшимися землями, из-за чего его даже с презрением прозвали буржским королём. Сейчас, во время вялого перемирия с англичанами и затишья аристократических междоусобиц, замок Меюн-сюр-Йевр стал излюбленным местом пребывания короля и его свиты, своего рода политическим и развлекательным центром, где Карл принимал послов и организовывал разные увеселения, ибо был катастрофически женолюбив в попытках преодолеть горечь своих военных поражений и жизненных проблем.

Когда я, всё ещё восторженно и взволнованно улыбаясь, проследовала за королём под величественные своды замка, навстречу нам из разных коридоров вышли трое мужчин, при появлении которых моё фейское чутьё моментально подсказало мне, что благодаря этим личностям, моя жизнь при дворе скучной не будет точно, да и лёгкой рядом с ними её назвать тоже язык не поворачивался; впрочем, и усложнение их жизней я тоже могла гарантировать на все сто процентов.

Первым, кто внушал некоторые опасения, был угрюмый худосочный юноша лет двадцати. Его выдающийся нос, коего вполне хватило бы на трёх, а то и четырёх таких юношей, и мрачный холодный цепкий взгляд, которым этот тип неприязненно скользнул по мне, не предвещали ничего хорошего.

– Вы вернулись, отец! – нетерпеливо сказал он и, не дожидаясь приветствия короля, выступил вперёд, что, на мой взгляд, было дерзостью. – Мы с матушкой не нашли вас в замке и были очень обеспокоены вашим отсутствием!

Что ж, у меня не было сомнений в том, кто этот молодой человек, ещё до того, как тот начал говорить: дофин Людовик, наследник королевского престола. Кажется, его отношения с королём были испорчены любвеобильностью отца, из-за которой очень страдала мать Людовика, Мария Анжуйская, звавшаяся королевой, но никогда, даже в молодости, не царившая в сердце короля. Карл VII очень сухо кивнул в ответ сыну.

– Благословение Богу, вы здоровы, Ваше Величество! – хриплым голосом произнёс стоявший поодаль грузный мужчина в длинном алом одеянии, отделанном мехом соболя.

Жан II Жувенель дез Юрсен епископ Бове – ярый поборник веры; наверное, благодаря таким и сожгли Жанну д'Арк. Его взгляд, брошенный на меня, тоже не отличался лучезарной добротой: женщина, почему-то считалась у людей сосудом греха. Наверное, этот священник видел во мне именно такой фигуристый сосуд, накрытый метровой конусообразной крышкой. Весёленькие дела! Епископа Карл VII тоже почтил своим вниманием, сделав это довольно неуклюже и без особой радости. Кажется, отношения с церковью, часто норовящей править королями, складывались у Его Величества не лучшим образом.

Но наибольший интерес, как и наибольшие опасения, во мне вызвал третий мужчина.

Его длинные одежды, ладно сидевшие на статной фигуре, указывали на то, что этот человек был должностным лицом при дворе, а дорогие ткани и гордая осанка подчёркивали высокий статус. Король сам шагнул ему навстречу, с улыбкой поприветствовав царедворца как друга. У незнакомца была довольно привлекательная внешность, но сильфы и феи сочли бы черты его мужественного лица недостаточно идеальными (в них напрочь отсутствовала монументальность, столь характерная для напыщенных членов Фей-Силь-дерации), хотя именно в этом, в изысканной утончённости черт (особенно хорош был профиль), и концентрировалась бездна очарования и притягательности.

Это не портили даже морщины – ужасное свидетельство старения, которого не знали феи и сильфы. Интересно, сколько ему лет? Впрочем, сколько бы ни было, мне понравился взгляд тёмных глаз этого человека: в нём читался цепкий, незаурядный ум и такая же хитрость. Будь он моложе и совершеннее, я, встретив его в Облачном Пределе, решила бы, что этот экземпляр из породы деловых сильфов; возможно, такие же градации встречались и у людей. А все «деловые» представляли опасность – это я знала из личного опыта.

– Жак! – воскликнул король, спугнув мои мысли.

ГЛАВА II. Фейская политика

В политике ради известной цели можно заключить союз даже с самим чёртом – нужно только быть уверенным, что ты проведёшь чёрта, а не чёрт тебя.

Карл Маркс

– Я прибыл сегодня утром, но уже не застал вас, Ваше Величество! – тихо ответил вельможа так, что я не смогла оценить его голос, словно он скрывал от меня его тембр до поры. – Чтобы успокоить вас, сразу скажу, что дело сделано, а все детали – позже, с глазу на глаз.

Ну, конечно! Как же я сразу не узнала его?! Жак Кёр – советник короля. О нём в Саду Лепестков света было достаточно информации, но вся она формировала совершенно другой образ, не похожий на тот, что я увидела сейчас: фальшивомонетчик, купец, сделавший головокружительную карьеру на собственной хитрости и лиходействе. Портрет, найденный мною среди лепестков, тоже не отражал истинной внешности Кёра, потому что изображение не могло передать мощную харизму советника короля. До моего прихода в Меюн-сюр-Йевр он представлялся мне эдаким ловким вором – помехой для моей миссии, но сейчас произвёл неожиданное приятное впечатление. Я внимательно следила за каждым движением советника, стараясь не слишком демонстрировать свою заинтересованность, и король помог мне в этом, сделав неожиданное заявление.

– Мы хотим представить вам нашу гостью, несравненную Аньес Сорель! – громко провозгласил он, обращаясь к присутствующим.

К тому времени к нам быстро стёкся весь королевский двор, поэтому внимание ко мне возросло раз в двадцать. В результате я стала счастливой обладательницей тысячи взглядов самого разного типа, среди которых преобладали завистливые и злобные взгляды у дам (возможно, бывших фавориток короля) и восхищённые у мужчин. Правда, я с некоторым удивлением и даже сожалением отметила, что взгляд советника Его Величества не принадлежал к группе восхищённых. Жак Кёр смотрел на меня изучающе, с интересом и какой-то странной усмешкой, будто что-то знал обо мне. Хм... К Карлу VII как раз подошёл его секретарь, полностью заняв его внимание, когда к разгоравшемуся, как костёр на ветру, общему волнению добавили жару придворные шуты. Их было двое: сгорбленный лохматый карлик в пёстром наряде с бубенцами и упитанная карлица, наряженная, как принцесса.

В общей сутолоке и неразберихе карлик стянул у королевского ловчего два охотничьих рожка для подзыва собак и, приложив их к губам, заставил издавать оглушительные звуки, переполошив весь двор.

– Мосьё де Лаон! – обратилась к нему шутесса, когда все взгляды уже были направлены на них. – На что это тебе целых два рога?

– Я собираюсь разбогатеть, сдавая их в аренду, Мишон! – ответил шут.

– Кому это?! – притворно удивилась карлица.

– Всем, кому их наставит наш король! – сказал мосье де Лаон и, быстро метнувшись в толпу, приложил оба рога к голове какой-то очаровательной дамы, видимо, бывшей фаворитки Его Величества, а потом стал настойчиво требовать за эту услугу плату в виде поцелуя или выкупа.

В толпе придворных послышался смех, а шут продолжал бегать и приставлять символ измены на другие женские головы, собирая аренду в виде снятых колец и поцелуев. Внезапно приблизившись ко мне, он внимательно посмотрел мне в глаза и прокричал:

– О, пожалуй, и самому королю тоже следует предварительно примерить рога, а то ведь мало ли что!

– Главное, чтобы, примерив рога, он не откинул копыта! – тихо сказала я так, чтобы звук моего голоса утонул в звоне бубенцов, и его мог услышать только шут.

Мосье де Лаон взглянул на меня с удивлением (видимо, ему не приходилось общаться феями-затейницами, прошедшими все циклы Инсти-тама в «Союзе косы и колбасы»), а потом разразился громким хохотом и, послав мне воздушный поцелуй, убежал вместе с Мишон, продолжая оглушительно дудеть в рожок.

В этот же день король пожаловал мне лучшие покои замка Меюн-сюр-Йёвр, открыто демонстрируя своё расположение. На протяжении всего моего пребывания рядом с ним Карл VII буквально опалял меня алчущим взглядом, что в сочетании с пульсирующими венами у него на лбу выглядело довольно забавно. Слушая его, я думала о том, что сказал мне шут по прозвищу «мосье де Лаон», и делала вид, будто не понимаю тонких намёков на толстые обстоятельства, и это только ещё больше распяляло Его Величество, доводило до белого каления его сына и епископа, неусыпно следивших за мной, и вызывало тонкую улыбку на устах советника, от которой мне становилось немного не по себе.

Ночью я наглухо закрылась в своих новых покоях. Жилище людей тоже создавало эффект весомости, даже какой-то излишней тяжести. Ею была пропитана тёмная мебель и веерные своды потолка, и даже воздух был здесь каким-то густым. Теперь я поняла, почему люди так медленно и, порой, неуклюже двигались и часто выглядели усталыми и печальными в отличие от фей, порхавших дни и ночи напролёт. Впрочем, мне пришёлся по душе шестиугольный зал, отведенный мне королём. В нём горел небольшой камин, стояло роскошное ложе, накрытое балдахинном, а стены украшали гобелены с целующимися парами и подглядывающими за ними купидонами. Его Величество, кажется, таким образом готовил меня к грядущей роли своей фаворитки, но я не собиралась повторить путь множества обычных женщин и нескольких прекрасных фей, проигравших пари, – наоборот, как фея-затейница я панировала самые оригинальные затеи.

Ну а сейчас мне требовался отдых. Наконец-то можно не маскировать свою настоящую внешность, уродуя себя несуразными головными уборами и тяжёлыми платьями. Так, налегке, проще было обдумать сложившуюся ситуацию. Король увлёкся мною, и это надо было использовать.

Я оставила свечу на столе и встала у окна, чтобы взглянуть в небеса, в надежде увидеть там огни Облачного Предела, но он был очень высоко – не разглядеть. Зато я могла услышать голоса моих подруг.

– «Союз косы и колбасы», как слышите меня? Приём! – прошептала я над браслетом.

– Кейю Лэй! – донеслось из браслета. – Как ты?

– Ищу решение проблемы Гусёныша. А у вас как дела? – спросила я.

Кажется, я уже успела соскучиться по моим неугомонным соратницам! И ведь им тоже вскоре придётся заключать пари!

– У нас такие новости! Такие новости! – затараторила фата Май ра Ал (я узнала её по голосу, правда, сейчас он звучал глухо и тревожно). – Слух пролетел, что в тот день, когда тебе испортили крылья, на территорию Инсти-тама проник кто-то из сильфов-изгнанников!

Эта новость заставила меня вздрогнуть. Неужели мой спаситель был изгнанником?! Тогда получалось, что я нарушила уже два закона Высших Небес, причём контакт с сильфом выглядел вполне невинно по сравнению с контактом с изгнанником. Из Облачного Предела изгоняли тех, кто нарушал законы, либо многократно проигрывал пари, либо и то, и другое. Лепестки с информацией о них навсегда удалялись из Сада, поэтому мы не знали ни имён нарушителей, ни конкретных причин, из-за которых они подверглись усекновению крыльев.

Это была процедура, уничтожавшая нарушителей правил на моральном уровне. Вместе с крыльями изгнанники теряли дом, положение в обществе, возможность быть среди своих. У фей и сильфов так сильно было развито коллективное сознание, что исключение из общего роя становилось мучением, самым страшным наказанием – это нам рассказывали наставницы. Кстати, такое обстоятельство, как лишение крыльев, ставило в тупик мои рассуждения о том, как сильф-изгнанник достиг Облачного Предела. А самое главное – зачем ему это? Ну, не для того же, чтобы спасти меня?

– Ерунда! Как изгнанник смог пройти сквозь защитную сеть?! Как добрался до Высших Небес? – поразмыслив, возразила я.

– Вот этим и озабочена вся Фей-Силь-дерация! Идёт расследование! Мы уже два раза открывали свои мысли перед высшими сильфами и феями. Мне кажется, они что-то подозревают насчёт тебя, потому что многократно просматривали наши с тобой разговоры и воспоминания о происшествии! – Это уже сказала фэри Сой ра Эй.

– Но ты же ни с кем таким не общалась, да? – пролепетала фата Май ра Ал.

– Как можно?! – соврала я. – Нет, конечно!

Мне пришло в голову, что этот разговор тоже могли прослушивать или даже заставить мою подругу задавать мне такие провокационные вопросы. Наша беседа вскоре прервалась, потому что в Инсти-таме действовал теперь особый ограничительный режим, введённый Фей-Силь-дерацией после вторжения изгнанника. Эти известия заставили меня загрустить, но пари было по-прежнему в силе: не время, чтобы расслабляться и раскисать.

Я сняла тяжёлый Кулон Возвращения, уже порядком надоевший мне за время пребывания в мире людей, и, положив его в шкатулку на столе, подошла к громоздкому, твёрдому и пахнущему сыростью человеческому ложу. Как люди могут спать в таких конструкциях?! Ужас! Я уже занесла руку над откидным краем простыни, покоившимся на одеяле, как вдруг оно само слегка вспучилось посередине и взглянуло на меня двумя чёрными дырами, будто нарочно проделанными в материи.

– А-а-а-а! Настоящая фея! – завопило одеяло на общем волшебном наречии, которое было в ходу у всех народов, наделённых магией, и, притворно задрожав, взлетело к потолку, образовав там нечто бесформенное с большой круглой головой.

– А-а-а! Настоящее привидение! – подражая ему, сказала я и тоже изобразила дрожь.

Привидений в Инсти-таме изучали на первом цикле обучения. Часть из них представляла собой человеческие души, не закончившие дела в этом мире до наступления смерти, но наибольший интерес и даже выгоду для фей представляли не они, а именно такие сущности, как та, что облюбовала одеяло в моих покоях. Французы называли их фарфадетами, и каждое из этих существ любило шкодить и строить насмешки, но могло и оказать важную помощь.

– Хорош подшучивать! – обиженно сказала одеяло. – От фей вечно одни неприятности!

– А ты что так вырядился? – спросила я, смерив собеседника насмешливым взглядом.

– Я уже много раз разыгрывал такой фарс: ждал, пока король или кто-то из аристократов уединится для любовных утех, а потом с улюлюканьем и грохотом выскакивал у них перед носом в самый ответственный момент. Визгу было! Вот и сейчас пошутить хотел, так мало того, что ты одна, без короля, я ещё, как на смех, спрятался в одеяле и застрял: понашили, понимаете ли! – проворчал фарфадет. – А ты бы помогла лучше!

Я извлекла запутавшегося в постельном белье незадачливого пугальщика, с усмешкой представляя, как визжали фаворитки от такой вот самодеятельности, а сам Карл VII, наверное, утрачивал стремление к продолжению утех (временно, конечно, ибо о его любвеобильности ходили легенды).

Фарфадеты выглядели, как мелкие (ростом мне по колено) человечки мужского пола с длинной редкой бородой и вислыми усами, что делало их похожими на мини-старичков.

– Ты из какого клана? – спросила я, вспомнив, что некоторые семейства фарфадетов состояли на службе у фей.

– Мор-Амор – клан свободных! – с гордостью отрапортовал фарфадет. – Я лично Лютеций Мор-Амор.

Этот клан не ходил в вассалах у Фей-Силь-дерации, поэтому я не могла потребовать от фарфадета выполнять мои указания, но сохранялась возможность втянуть этого шkodника в мои затеи.

– Кейю Лэй ра Ин, – представилась я, присев в шутовском реверансе.

– Хорошее имя, но длинное не по делу, – объявил Лютеций. – Я буду звать тебя просто Лэй. Это красиво, можно даже петь: «Хоп! Хэй! Ла-ла-Лэй!». При случае нашепчу это кому-нибудь из менестрелей.

– Тогда я буду звать тебя... Лютик! – не растерявшись, сказала я, вызвав весёлый смех фарфадета.

– Ничья! – констатировал он, имея в виду наш обмен любезностями. – Предлагаю союз: я тебе рассказываю последние новости, визнаю всякие тайны, шалю и помогаю по хозяйству, а ты меня кормишь.

Фарфадеты питались положительными эмоциями хозяев, но мне нужен был союзник, поэтому я согласилась, решив, что фея я достаточно весёлая и добродушная, чтобы прокормить одного усатого проказника.

– Хорошо! – кивнула я, одарив фарфадета лучезарной улыбкой, от созерцания которой тот сразу стал выглядеть дороднее, будто поправившись ливров на десять (*словом «ливр» называлась мера веса во Франции тех времён, равная 300-800 граммам. – Прим. автора.*)

– Мне нужно освоиться в этом замке, поэтому каждый день я хочу знать все новости о местных обитателях, особенно о короле, его советнике, епископе и дофине, – поставила я задачу.

Дождавшись, когда фарфадет уйдёт выполнять поручение, я сплела гамак из светлых надежд и, покачиваясь в нём, принялась ловить блестящие светлые грёзы, почему-то говорившие со мной волнующим фантазии лирическим баритоном сальфа-изгнанника. Так прошла моя первая ночь в мире людей.

Проснувшись с первым солнечным лучом, я выглянула в окно. Утро пахло мечтами и солнечными бликами: обоняние у фей распространялось на такие диапазоны, которые людям были недоступны, как и восприятие многих оттенков цвета. Можно сказать, что люди не могли в полной мере ощущать окружающий мир, замечая лишь ничтожную часть его проявлений и проходя мимо самого главного. Замок ещё спал, но я слышала, как люди более низких сословий уже приступили к своим делам. Садовник подрезал кустарники в парке, повара всю работу на кухне. Кстати, меня очень беспокоили маячившие впереди перспективы совместных трапез, потому что феи в основном питались свежим воздухом и солнечным ветром, лишь иногда прибегая к тяжёлой растительной пище (пыльце и лепесткам цветов), но при дворе Карла VII в моде были бризоль и матафан – мясные блюда, которые мне предстояло как-то освоить, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания окружающих.

Его Величество, без предупреждения явившись в мои покои, застал бы меня врасплох, если бы не тонкий фейский слух, позволивший мне заблаговременно вычислить его шаги в коридоре. Я бросилась приводить себя в порядок и почувствовала, что силы моих чар, которыми я поддерживала эффект средневекового наряда, не бесконечны и имеют свойство иссякать. Это была неприятная новость, потому что в Облачном Пределе я никогда не ощущала ничего подобного. Наставницы рассказывали нам о том, что изгнанники со временем теряют свои силы, находясь вдали от места подпитки, но я никак не могла подумать, что это правило распространяется и на заключивших пари. Получалось, что силы надо как-то восстанавливать

(для этого существовали специальные приспособления) или экономить, не распыляя их на платья и прочие мелочи, и этот вопрос надо было срочно решать.

– Демуазель Сорель! – промямлил Гусёныш и смущённо умолк, опустив глаза.

Похоже, он стеснялся своей непривлекательной внешности и шаткости нынешнего королевского статуса, из-за чего был совершенно не по-королевски не уверен в себе, причём эта неуверенность распространялась не только на общение с женщинами, но и на политические дела.

– Ваше Величество! Я рада вас видеть! – сказала я и улыбнулась, когда король осмелился снова поднять на меня взгляд.

В отличие от фарфадета, визуально прибавившего в весе от положительных эмоций, Карл VII остался в прежнем худосочном состоянии, но при этом будто засиял от счастья.

– Я хотел пригласить вас на прогулку по замку! – пробормотал он дрожащим голосом.

Я согласилась, и вскоре мы уже чинно шествовали по галереям, беседуя о разных пустяках. Меюн-сюр-Йевр был прекрасен и внутри, но то была мрачная тяжеловесная красота; возможно, из-за этого в замке меня не оставляло ощущение тревоги, развеять которую на мгновение смогли лишь цветные витражи да изысканные плетёные орнаменты в верхней части стрельчатых арок, напоминавшие языки пламени. Наша прогулка закончилась на балконе. Здесь, среди громоздких ваз с цветами и интересной конструкции из нескольких клеток с поющими птицами, уже был накрыт стол. Я опустилась в жёсткое кресло в лёгкой панике от мыслей о трапезе: яств было столько, что они полностью покрывали столешницу (видно, король старался изо всех сил).

Осмелившись, я всё-таки решилась попробовать что-нибудь из человеческой еды. Это было очень интересно! Взор мой упал на брюкву в меду, фаршированную орехами. Я осторожно отделила вилоккой маленький кусочек и отправила в рот, испытав странное, но приятное ощущение, совершенно не похожее на то, что испытывали феи во время их обычного питания. После этого мне захотелось попробовать все блюда, ждавшие своей участи на столе. Когда я дошла до ароматного бризоля (*мясо, запечённое в омлете – Прим. автора*), собираясь откусить крошечный кусочек этого лакомства, Его Величество отвлёкся на маленького пажа, подбежавшего к нему, чтобы тихо прошептать что-то очень важное. Я уже хотела подслушать их разговор, но в этот миг кто-то отчётливо сказал мне на ухо:

– Не смейте это есть, кейю Лэй ра Ин!

Я вздрогнула от неожиданности, узнав уже знакомый мне лирический баритон. Сильф-изгнанник?! Здесь?! Почему он преследует меня?! Как он мог меня найти?! Я осмотрелась по сторонам, но, как и в первую нашу встречу, никого не обнаружила рядом.

– Еда отравлена! – продолжал мой неожиданный спаситель-незнакомец.

Он говорил так тихо, что ни один человек не смог бы его услышать, а его шелковистые волосы касались моей шеи и плеч. А ещё я запомнила его запах – тонкий и терпкий древесный аромат, показавшийся мне самым прекрасным на свете.

– И, хотя яд этот вовсе не для вас, я бы рекомендовал вам отказаться от идеи попробовать бризоль, – продолжал сильф.

Я застыла с кусочком еды на вилке, не зная, что делать. Наставницы говорили, что феи гораздо более устойчивы к ядам, нежели люди, но и жительниц Облачного Предела при горячем желании и высокой концентрации тоже можно было отравить. Но откуда сильф узнал о яде? Не сам же он его подсыпал в еду? Мне безумно захотелось сотворить волшебство поиска, чтобы попробовать найти этого изгнанника с непонятными намерениями и дерзкими речами, но силы надо было экономить, да и волшебничать при посторонних, да ещё прямо перед носом набожного короля и в непосредственной близости от епископа, в человеческом обществе было опасно.

– Люди способны отравить пищу, но феи гораздо опаснее: они способны отравить саму жизнь. Вам так не кажется? – продолжал рассуждать невидимый сильф-изгнанник.

Какие крамольные мысли! Не зря его изгнали! Хотя интересно, что он имел в виду? В Облачном пределе нас учили, что феи и сильфы – воплощения света, а потому не способны на злые дела, но, глядя на некоторых своих однокашниц, я могла бы утверждать обратное. К тому же, если бы феи были абсолютно светлыми существами, то откуда среди них возникали изгнанницы, переквалифицировавшиеся в ведьм? Пока я раздумывала над ситуацией, одна из птиц вырвалась из внезапно открывшейся как по волшебству клетки и, пролетая мимо меня, сорвала кусок бризоля с вилки, а потом, опустившись на балюстраду балкона, принялась яростно клевать его и через несколько мгновений упала замертво на пол. Я только сейчас осознала, что на её месте могла быть я или... король. Может быть, яд предназначался ему?

Невидимый сильф больше никак не обнаруживал себя, а на Его Величество было страшно смотреть: Карл VII пребывал в состоянии гневного испуга. Он лично проводил меня в мои покои, то и дело заглядывая мне в глаза, справляясь о моём здоровье. Похоже, ему и в голову не приходило, что отравить, возможно, пытались его самого, а не меня! Забыть обо всём ради любви – на это способны только люди! Так трогательно!

– Я немедленно пошлю за лекарем! – твердил король.

– О, не беспокойтесь, Ваше Величество! – попыталась возразить я. – Со мной всё в порядке.

Дотошный лекарь мог обнаружить во мне что-то подозрительное, ведь феи всё-таки имели некоторые отличия от людей, но король не отступал.

– Не отказывайтесь, демуазель! Так нужно! – произнёс он тоном, не терпящим возражения.

В это время в коридорах замка нам случайно встретился советник, шедший куда-то по своим делам. Увидев короля, Жак Кёр замер в изящном поклоне, скользнув по мне довольно прохладным взглядом, словно осматривал весьма недурную на вид, но абсолютно не нужную безделушку в лавке бедного торговца.

– Что-то случилось, сир? На вас лица нет! – встревоженно спросил советник, заметив состояние Карла VII.

– Аньес пытались отравить! Она чудом выжила! – возбуждённо начал рассказывать король.

Жак Кёр выслушал его с выражением самой искренней заботы на красивом мужественном лице.

– Вы правы, сир! Демуазель Сорель была в опасности, – учтиво сказал он, сделав ударение на слове «была». – Но сейчас опасность миновала. К тому же лекарь не сможет осмотреть вашу подопечную, по крайней мере, до сегодняшнего вечера: он отправился в Бурж за ингредиентами для микстур. И, кстати, взгляните, Ваше Величество: у вашей прекрасной гостьи очень здоровый и счастливый вид. Я думаю, что с ней всё в порядке.

Этими словами, а главным образом – своей уверенностью и спокойствием, сквозившим в каждом жесте, слове и взгляде, Жак Кёр вознамерился успокоить Карла, что ему блистательно удалось. Я могла бы заподозрить в этом какое-то тайное волшебство, если бы не моё фейское чутьё, упорно утверждавшее, что не ощущает вмешательства каких-либо сил.

– Тогда я отправлю своего лекаря к тебе, Жак! – сказал Его Величество. – Ты болен!

Предполагаемое нездоровье советника подтверждал его голос – сиплый, а иногда даже прерывающийся лёгким покашливанием. А ещё от него исходил странный запах, в котором словно смешалось множество разных ароматов, будто он только и делал, что обливался духами и натирался благовониями, начиная с прошедшей ночи. Для человеческого обоняния такой эффект, наверное, был незаметен, но для феи всё ощущалось очень ярко. Пытался таким образом скрыть свой истинный запах, или старался произвести впечатление с помощью духов?

– Небольшое недомогание, сир, не более! – уверил Карла VII советник. – Прохладные ночи в дороге, роса и проливной дождь тому виной. Дайте мне несколько дней, и всё пройдет само, без лекарств! Ну, а если вы сейчас почтите своим присутствием мой скромный дом, то выздоровление пойдет еще быстрее.

Эта идея очень понравилась королю. Карл VII повернулся ко мне и сказал:

– А не захочет ли прекрасная Аньес Сорель составить нам компанию?

Я подумала, что это путешествие вполне соответствует моим планам. Мне нужно было составить мнение об окружении короля, чтобы понять, кто его враг, мешающий Гусёнышу стать Победителем.

Пока по распоряжению Его Величества нам закладывали конный портшез, я, оставшись одна в охраняемых покоях (король выставил стражу у дверей), получила возможность обдумать случившееся. Кто-то в этом замке уже желал смерти королю, а заодно и мне. Было бы неплохо узнать, кто этот тайный недоброжелатель. Дело осложнялось широтой выбора кандидатур. Главгадом мог быть кто угодно: от снедаемого ненавистью дофина, до бывших фавориток и самой королевы; судя по всему, и епископ вряд ли одобрял поведение Карла VII.

Впрочем, всё могло складываться и куда более запутанно и сложно. Враг мог скрываться и среди мнимых друзей Его Величества. Например, с чего бы советнику так помогать мне, убеждая короля в отсутствии необходимости осмотра у лекаря? Случайное совпадение или хитрость? И ещё один важный вопрос тревожил меня в связи с попыткой отравления: что делать с сильфом-изгнанником? По правилам, я должна была донести о его появлении в замке в Облачный Предел, но мне почему-то совсем не хотелось этого делать. А может быть, это он добавил яд в бризоль, чтобы нарушить планы Фей-Силь-дерации? Но тогда зачем ему снова спасать меня?!

Мои размышления прервал тихий свист, плавно перешедший в негромкое пение с характерным грассированием и лёгким пришепётыванием, сопровождавшимся тихим звоном бубенцов.

*«Фарфадет, фарфадет,
Как красиво он одет!
И в любви хорош он тоже,
Хоть и выглядит, как дед!»*

Как только отзвучали последние слова песни, Лютик материализовался рядом со мной, загадочно улыбаясь и шевеля редкими вислыми усами. Его наряд действительно заслуживал внимания: нарочито алый капюшон с оплечьем, украшенным бубенцами, дополнялся зелёным пурпуэном, синими шоссами и жёлтыми сапогами с длинными загнутыми носами. Красавец, одним словом! Красавец-дед!

– Узнал что-то? – с надеждой спросила я.

– Ну, епископ всё утро молился, а потом что-то записывал, – сообщил фарфадет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.